

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

О, эти женщины

Моск. комсомолец. — 1998. — 26 сент. — 2

На Таганке

— В отрывке из романа "21 километр" у вас появляется романтическая провинциалка Ирбис. Она и красива, и умна, и способна вызвать неподлимый соблазн обладания. Уж не со своей ли жены Тамары вы списывали ее портрет?

— Боже упаси! Это совсем другая женщина. Эта романтическая история вдохновляла меня в течение десяти лет. Она была моей музой. Я репетировал тогда "Доктора Живаго". Отсутствие опыта восполнял поиском своей Лары, искал свою любовь. Этой женщине я благодарен. Пока в России шла революционная неразбериха, я жил этим романом. Но вы, напомнив о давнем, вогнали меня в краску.

— Не знаю ни одного современника, кто бы с такой непосредственностью публично говорил о собственных пороках, как Золотухин. Вам действительно "нравится валяться в грязи и не скрывать это перед людьми"?

— Думаю, Достоевщина, мармеладовщина во мне присутствует. Есть в нас некая чертовщина: чем гаже, тем слаще. Желание покопаться в себе. Понимаю пьющих людей (я и сам не безгрешен), возникает чувство какой-то вины, кромешной ответственности перед всеми. Уже не очень четко, как в тумане, вспоминаешь, что ты наделал. Эти твои виноватые глаза, извинительные позы — они же потом в тебе отзываются садомазохизмом. Желанием сделать себе больно, чтобы потом этот опыт болевой, опыт страданий перешел в твою роль, в твои писания, в твои образы.

Мои дневники и откровения не были предназначены для публики. Ты выплескиваешь туда все — это единственный способ общения с умным человеком и без посредника. Разговариваешь с воображаемым собой. Есть тут какая-то игра, потребность самому себе все сказать и тем самым сохранить надолго уходящее время и собственное ощущение. Отдавая в печать свои дневники, стараюсь их не перечитывать. Если бы перечитал, то никогда бы этого не напечатал. А тут отдал — и отступать поздно, как будто яд выпил.

— У вас в романе народный артист Шелепов совпадает с Золотухиным биографиями. У него трое детей, две жены и полтеатра любовниц. Не растут ли где-то неопознанные дети народного артиста?

— Вот тут не совсем так. Если бы были дети, я бы не открещивался.

— Вы говорите: "И какой же русский не любит раскатывать свою жизнь, чтобы с петель слетела". Ваша слетела с петель, когда вы расстались с первой женой Ниной Шацкой и с сыном Денисом?

— Да, я раскачивал свою жизнь, и, очевидно, потому, что любви не было! Иначе зачем ее раскачивать, если любишь? А когда что-то не так, и ты вдруг с какого-то момента ощущаешь, что это непостоянно, что связь рвется. Лодка закачалась с приходом славы, популярности, женщин — мира призрачного, который закрутил тебя, особенно с приходом киноролей. Это была молодость, рождение сына, новые роли — в театре, в кино. Одновременно я писал книжки, рассказы, ходил в "Огонек", "Юность". Лодка жизни трещала... Мои любви, романы возникали параллельно, сразу несколько. Мой уход от семьи, от Нины был закономерен — я наконец по-лю-бил! Ушел в другую семью. Родился второй сын — Сережа, и у Тамары была дочка Катя, от первого брака с Володей Гусевым, директором Русского музея. Тамара работала на "Ленфильме" помощником режиссера Хейфица. Я в нее влюбился. Снимался фильм "Единственная", и я предлагал режиссеру снимать Тамару в качестве моей обожаемой... Лет пять я мотался в Ленинград на "Красной стреле". Ее забирал, тащил в Москву...

— Где же вы, черт подери, жили?

— В отстойнике.

— Как это?

— "Стрела" день стоит в отстойнике. И до спектакля можешь спокойно там проводить время.

— Проводников подкупали?

— Тогда рубль-то был твердый. В кино платили очень хорошо.

— Вы с Тамарой стали разрушителями — там дочка, у вас сын.

— Пятилетняя дочка Тамары, Катя, осталась в Твери у Володиной сестры и двух бабушек. Володя Гусев взял всю заботу о Кате на себя.

— Как сложилась судьба вашего первенца Дениса?

— После моего ухода из семьи наши отношения с сыном на какое-то время осложнились. Но когда к ним с Ниной пришел Леня Филатов, все восстановилось. Я бывал у Дениса, он приезжал ко мне. Мы замечательно общались до раскола Театра на Таганке. Дальнейшее было для меня полной неожиданностью.

— Символично, что ваша дуэль с новым мужем Нины приобрела эпистолярный характер. Письма соперников в романе хороши и слогом, и метафорическими оценками. Мужчины ловко владеют сатирическими шпагами. Эти письма реальные?

— Письма доподлинные. Сомневаюсь только, что мое письмо прочитано. Филатов пришел к Ниной и 10-летнему Денису в расцвете славы. Он образованный человек, в совершенстве владеет словом — собеседника завораживает. Естественно, сказалося его благое влияние на Дениса. Леня стал давать ему прекрасные книги, определял для мальчика целую программу самовоспитания. За это я благодарен Лене. Однажды по дороге на дачу Денис задал мне вопрос: "Папа, дай мне благословение в семинарию?". Было ему 24. Это серьезное решение. Пути Господни неисповедимы. Я благодарю.

— Может быть, это его предназначение?

— Возможно, здесь было и влияние бабушки. Лене Филатову это было вдвойне досадно, потому что он вложил в воспитание Дениса много душевных и материальных сил: обучение во ВГИКе уже было платным, и Леня платил за него. Своим уходом в семинарию Денис проявил полную и категорическую самостоятельность... Стал священником. Он высокий — под 190. И голос у него обнаружился хороший. Поет в храме, ведет службу по четыре часа.

— А выбор вашего младшего сына, Сережи?

— Ему уже 19 лет. Он выбрал музыкальное училище, ударные инструменты. Честно сказать, я своих ребят мало воспитывал, надеялся заменить воспитание собственным примером. Он разный — и достойный, и дурной. Но мне казалось, хорошее они позаимствуют, а дурное выбросят. Так я сам рос, глядя на отца.

Валерий, поговорим о ваших сподвижниках? Вы бывали дома у Высоцкого? Каким хозяином был Владимир Семенович?

— Бывал у него в первые годы после его женитьбы на Марине Влади. Я умилялся наивному желанию Володи создать идеальный семейный очаг. Это химера, ведь у него был такой разброс интересов, такое космическое поле притяжения! В клетку комнаты такой космос не вместить. Мы с ним вместе выступали перед строителями, когда он выбивал себе кооперативную квартиру на Малой Грузинской. Эту сложность "выбивания" я после испытал на себе, когда ушел от Нины, оставив

понять: Гамлета Высоцкий уже сыграл на публике. Гамлет — вершинная роль репертуара. И если твой друг начинает ее тоже репетировать, ты помоги ему. Мне рассказывали, когда Смоктуновский репетировал князя Мышкина, у него очень долго не все получалось. И Луспекаев отозвал его в сторонку и говорит: "Кеша, ты не волнуйся — смотри на меня. Я тебе покажу, что делать". Луспекаев играл в "Идиоте" Рогожина и понимал: Кеша все сам без него сможет. В тот момент нужна была лишь вера в его талант. Стоит ли вставать в позу одному, а другому мучиться нравственной дилеммой — играть или не играть? А мне надо было тогда отшутиться и сказать Владимиру Семеновичу: "Вези из Парижа ящик "Мартея", тогда я откажусь". Чтобы мне сыграть Гамлета, Любимову надо было затормозить процесс

го-то не сделал, не написал, не сыграл, значит, это тебе не нужно. Винить кого-то — дело последнее.

— Юрий Петрович как-то небрежно бросил фразу: "Ты знаменит и богат". Вы богаты?

— Он так сказал, потому что я долго разговаривал с ним по телефону, позвонив из Парижа в Бонн. Но он не знал, что я звонил по чужой карте. Какой я богат? Разве в нашей профессии можно нажить богатство?

— Дача есть?

— С шестью сотками. Работать там некому. Стало далеко и дорого ездить — это 113 километров от Москвы. Я там не прижился. Строил домик в надежде, что буду уединяться в деревенской тишине. Не получилось. Все равно пишешь на кухне, в поездках, в дороге... Шукшин тоже мечтал, что сядет и будет только писать. Это блажь.

— Валерий, однажды вы собирались открыть пельменную. Открыли?

— С пельменной я пошутил. Дело было так: Умер Эфрос, Любимова нет, театр в разбросе, газеты шумят — берите инициативу в свои руки, что-то делайте. Хотел я вступить в Союз писателей — возникли сложности, меня обозвали "хвост кометы Шукшина". Но между нами, девочками, говоря, к моменту стряпанья своей первой книжонки Шукшина мне прочесть не случилось. В писатели меня тогда не приняли, и я придумал открыть пельменную "Сибирский тракт" или "Чуйский тракт". Написал Астафьеву, Распутину — заготавливайте бруснику, клюкву, грибы. Очи-то разгорелись: будут бочками слать сибирские вкусности, а я продаваю. Развешу портреты наших сибирских писателей — и дело пойдет. И коллектив набрал. Стал ходить по райкомам и просить помещение. Был обескуражен — партийных начальников не впечатляла ни моя фамилия, ни моя идея. И тогда один практичный человек мне посоветовал: "Тебе нужен умный еврей в компанию". Нашел такого — Диму. Пошел он в райисполком, пообщался, а потом ко мне: "Валерий Сергеевич, нужно три тысячи рублей". Он разбил мое совковое сознание: "Это не взятка, а сумма риска. Они тоже рискуют. Будет доход — эту сумму ты покроешь с лихвой". У меня такой суммы не было, да и страшно было давать, а вдруг... Тут, блин, приехал Любимов, и мой тракт покатились еще дальше. И пошло восстановление "Высоцкого" и спектакля "Из жизни Федора Кузькина". И я с таким облегчением бросил эту затею с пельменной...

Но это, Наташа, не значит, что я бросил мечту о каком-то своем деле. Время-то какое! Вот сломает артист Золотухин завтра ногу — не приведи Господи! — внуки у меня, кормить надо.

— А что вы делали целый месяц в Америке?

— До отъезда в Америку мне сказали, что билеты на мои концерты совершенно не идут. Я спросил, почему? Мне ответили: "У вас была встреча на телевидении, и вы что-то такое высказались о евреях". Я думал, это шутка. А потом припомнил наш спектакль "Мать", где я играл Андрея Находку. В сцене маевки у него такой текст: "Товарищи, говорят, на земле разные народы живут: евреи, татары, поляки. А я в это не верю. Есть только бедные и богатые!". Помню, шел спектакль в День космонавтики, 12 апреля, с утра я отметил праздник и пошел играть. На маевке залез я на нашу сцену и понес: "Говорят, на земле разные люди живут: явреи, явреи, явреи. Я в это не верю, потому что есть только два народа — бедные явреи и богатые явреи". На этом речь моя закончилась. Любимов влепил мне выговор — была крутая обработка. Может быть, поэтому я прослыл антисемитом.

— И как же встретили Золотухина в Америке?

— Замечательно. Этой историей с Находкой я повеселил там еврейскую публику. Море впечатлений.

— На этот раз таможня ничего у вас не отобрала, как когда-то отобрала шпаги. Где, кстати, они теперь?

— На этот раз я даже декларацию не заполнял. А шпаги я тогда вез из Парижа — они с вынимающимся штыком. На таможене их охарактеризовали как "оружие для убийства". Я знал, что шпаги мне, почетному милиционеру, вернут. А вот шпагами я прикрывал более ценный груз — книги Солженицына, Набокова, Ходасевича. Зацепились за шпаги, блин, и пропустили запрещенных писателей. Шпаги мне через месяц возвратили. По иронии судьбы, у меня их уже нет: когда выпьешь, поневоле упражняешься с клинками. Одну шпагу я подарил Андрею Дементьеву, главному редактору "Юности", второй клинок — Коротичу, редактору "Огонька", моим первым публикаторам.

— Валерий, вы сколько-то упомянули о покупке дорогого смокинга. Где в нем блистали?

— В смокинге играл моноспектакль "Анна Снегина". А потом мне позвонили с телевидения: "У вас есть смокинг? Тогда мы вас приглашаем на новогодний "Огонек". Спрашиваю: "А гонорар?" — "Какой гонорар? Там будет много звезд". Вот что! Пригласили смокинг, а не меня! Пришел я в этом дорогом смокинге, за 1600 спонсорских долларов, купленным для спектакля, и, не теряя времени, стал брать автографы у знаменитостей. Подхожу к Газманову. Олег смутился: "Валерий Сергеевич, вы у меня берете автограф? Мы все на вашем Бумбараше воспитаны"... У меня собралась целая тетрадь с автографами знаменитостей. На следующий день снова зовут на съемки. А накануне мой учитель Фомин из Алма-Аты прислал мне гармонь. Думаю, пойду-ка я с гармошкой. В смокинге с гармошкой — это же корова под седлом. Так и ходил, весело балаганил. А позже позвонил мне Валерий Чиков: "Снимаю фильм с Мишей Евдокимовым, нам нужен гармонист. Сыграешь?". Так я получил очень хорошую роль в картине "Не ваяй дурака".

— Что же вы сейчас репетируете с Любимовым?

— Репетируется пьеса Петера Вайса "Марат де Сада". Это Марат в интерпретации маркиза де Сада. Брехтовский продолжатель Вайс избрал местом действия сумасшедший дом. Его персонажи — все психи: и Марат, и де Сад. Наверное, Вайс избрал некую цензурную увертку, автору удобно было вложить в эту метафорическую форму все мысли, вложившиеся в него. И он увлекся де Садом — де Сад стал вдруг центральной фигурой, уж очень живой человек.

— И Юрий Петрович отдал маркиза вам?

— Мне. У Юрия Петровича де Сад не центральный персонаж, но чисто философские размышления маркиза очень важны. Спектакль сложный. У Любимова до самой премьеры трудно предсказать, что увидит зритель. Другое дело — видение режиссера: он внутри раскаленного котла. На репетициях все импровизируют, шутят, думают.

— Вы уже влезли в шкуру маркиза или заглянули только под костюмчик?

— Нет, еще напяливаю, примериваю его парик. Предполагаю, что наши музыканты Мартынов и Летов чем-то подкрепят образ маркиза, изобретут, может быть, какой-нибудь рецитатив красивый, а я его исполню.

Наталия ДАРДЫКИНА.
Фото Олега КОЗЛОВА.

БУМБАРАШ В РОЛИ МАРКИЗА

Валерий ЗОЛОТУХИН:
"Мои романы возникали параллельно"

Не разгадать, какими душевными консервантами пропитан Валерий Золотухин, — такой же упругий, спортивный, заводной. На всю жизнь — неунывающий Бумбараш. Народный артист. Автор нескольких книг. Недавно вышла тиражом 500 экземпляров его книжка "Мой Эфрос". Неожиданны в ней дневниковые записи о себе самом, о своем взрывном характере, о пристрастиях. Прямоты и дерзости Золотухину не занимать.

трехкомнатную квартиру семье.

— Однажды в Театре на Таганке на "Мастере и Маргарите" для приглашенных поставили лишний ряд стульев прямо перед сценой. Прошел Володя с Мариной, перешагивая через частокл наших ног. Мне показалось, он чувствовал себя несколько смущенно. Не потому ли, что был чуть-чуть ниже Марины?

— Дело в том, что его первая жена Людмила Владимировна Абрамова была выше его. И Володя иногда говорил ей: "Да не ходи ты рядом. Иди чуть-чуть сзади". Но когда у него случился роман с Мариной Влади, Володя уже понимал, что он Высоцкий. И про свой комплекс невысокого роста начисто забыл.

— А это правда, что после смерти Владимира Семеновича его сердитые поклонники угрожали вам суровой расправой за то, что вы когда-то согласились сыграть Гамлета?

— Это случилось после фильма Рязанова "Четыре вечера с Владимиром Высоцким". Эльдар Александрович задумал фильм и пригласил меня на диалог. А тут как раз ушли Филатов, Смехов, Шаповалов в "Современник", подчеркивая преданность Любимову и отторжение от Эфроса. Эльдару Александровичу я долго рассказывал про театр и про то, как Любимов предложил мне роль Гамлета, когда Высоцкий находился за границей. Театру предстояла гастроль в Югославию. А Высоцкий часто отсутствовал. Любимов предложил мне Гамлета и издал приказ. Такова была производственная необходимость — иметь другой состав. Начались репетиции. А когда Володя приехал и узнал про мое согласие, он мне сказал: "Если ты сыграешь, я уйду из театра". Он произнес тогда большой монолог о том, что он многим в жизни не дорожит, но друзей для него всего важнее. Ему было обидно, что его друг согласился — по приказу ли, по просьбе ли — репетировать его роль. Володя можно было понять. Но и меня надо

постановки еще на год, переделывая все на индивидуальность другого актера: ведь вся механика была сделана под Володю. Мое назначение на роль в сильной степени — мера дисциплинарная.

И эту историю назначения меня на роль Гамлета я рассказал на съемках Рязанову. Если бы мой монолог остался цельным, то зрителю все стало бы понятно. Эльдар Александрович что-то убрал. Вставил беседу с Володарским, вспоминающим, как Высоцкий ему жаловался, что его не любят в театре, что ему завидуют. Потом снова дается кусок монолога Золотухина и в него вставляется Венья Смехов со словами, что он не станет называть фамилий тех, которые хотели играть его роль. Зрители все это молча скушали. И миллионы увидели, кто виноват.

— И начали атаковать виновника?

— В письмах обещали: "Мы тебя уьем, сожжем, спалим твой дом, плюнем тебе в рожу". Письма до сих пор приходят. С этим не очень приятно жить. К сожалению, укоренилось мнение, что Золотухин предал Высоцкого.

— Я почему-то убежден, что вы с Владимиром Семеновичем — духовно близкие люди.

— Но не станешь бить себя в грудь... Время — монах трудолюбивый и все расставит на свои точки.

О привычках

— В дневниках у вас встречается фраза: "Много пью всякой жидкости". А нынче что предпочитаете?

— В своих пристрастиях я постоянен. Я Блинец, причем, говорят, лунный. Одна ведунья мне наговорила: "Вам не суждено спиться, вы Ванька-ванька". Люблю выпить и погоревать над своей неудавшейся жизнью.

— Издеваетесь?

— Для красного словца сказанул. Если ты че-